

Пятый угол ищи и найди в четырёх,
васильковые стены раздвинь,
где сквозь синь пробивается чертополох
и ромашки разбавили синь.

Не обои, а луг, где-то возле Твери
или возле Шатуры, бог весть,
но уйдя — эту стену, как дверь затвори
и замок стопудовый повесь.

Чтоб домой не вернуться уже никогда
ключ в реке утопи, — ни о чём
не жалей; и сомкнётся речная вода
и подавится шука ключом.

Будет дождик грибной моросить, и пчела
вдруг расплещет нектар второпях;
и забудутся беды, что были вчера
и пустяшным покажется страх.

Потому, что ни страха уже и ни тьмы
не осталось — об этом забудь,
только луг васильковый, родная, и мы
в васильковом пожаре по грудь.

Куда вы, муравьи,
умерьте вашу прыть,
вам никогда, увы,
плевка не переплыть.

Но, как всегда, смельчак
найдётся хоть один:
горит огонь в очах,
бурлит адреналин.

Уже маяк погас
и смолк собачий лай.
Контр-адмиральский брасс
сменяет баттерфляй.

Плевать, что по домам
давно все разошлись.
Пьёт за прекрасных дам
Эгейское Улисс.

В марихуанном, и не только,
раю, где время быстротечно,
ты задержался ненадолго,
но оказалось, что навечно.

За стойкой бара Коля, Ося,
Марина, Жоржик, Боря, Аня.
Бармен поглядывает косо
на отражения в стакане.

Бедняга не уразумет,
что у поэтов есть обычай
переходить, когда стемнеет,
с мирского языка на птичий.

И не оплёвывать, напротив,
любить от всей души друг друга.
А в это время, между прочим,
в Сокольниках бушует вьюга.

А на Тверском бульваре крыши,
как ты просил, Господь, пометил,
и театральные афиши
до дыр зачитывает ветер.

И на Ваганьковском у брата
цветёт искусственная роза.
И так желанна, так чревата
запоем рюмочка с мороза.

Москва не то, чтобы икает,
но помнит старую обиду.
И оберег не помогает,
а так — болтается для виду.

Из всех орудий по... А воробьи
клюют в саду подвешенное сало,
и местного значения бои
их, воробьёв, интересуют мало.

Январь морозный. Вьюга и метель.
Шрапнели свист и подвыванье пули.
Не замечая эту канитель,
спокойно есть и думать о Катутле.

Я выйду из леса. Я стану как вы,
точнее, прикинусь таким,
лишь на ночь снимая парик с головы,
с лица опротивевший грим.

На двух, чтобы не отличаться от вас,
я буду ходить, семеня,
и только огонь непогашенных глаз
нет-нет да и выдаст меня.

Заплачет ребёнок в ночной тишине
и мать не поймёт отчего,
бедняжка, она обратится ко мне,
чтоб я успокоил его.

И я колыбельную песню спою,
и он как убитый уснёт,
обняв по-звериному морду мою
и в тёплый уткнувшись живот.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

А. А.

те и эти те и эти
окружают нас с тобой
разномастные соседи
по планете голубой

и планета голубая
любит этих любит тех
и ночами байки бая
убаюкивает всех

баю-баюшки младенец
баю-баюшки кашей
переделать не надеясь
ход событий суть вещей

спи любимая не бойся
баю-баюшки-баю
пролетая мимо босха
бездны мрачной на краю

Давай померяемся силами, —
какие наши годы, брат,
покуда путь под Фермопилами
ещё не превратился в ад.

Покуда кровь ручьями малыми
ещё не вытекла из нас
в сражении неравном с галлами,
где царь Каллипп халиф на час.

И на победе леонидовой
воспитанные соловьи, —
померяемся не обидами,
а силой веры и любви.

Одеты в белое с иголочки
контр-адмиралы — потому,
что *голубые комсомолочки*
Визжа, купаются в Крыму.

Они в бинокли смотрят пристально
и отвести не могут глаз...
Но поджидает их на пристани
об увольнении приказ.

Главнокомандующий, походя,
списал на берег, но пока:
ни чести моряка, ни похоти
лишить не могут моряка.

И дым пускают в небо кольцами,
как сердце режут без ножа...
И голубыми комсомольцами
в Крыму купаются, визжа.

Человечество подразделяется на
две, как минимум, части, дружок:
кто в неполных тринадцать блевал от вина,
кто ходил в переплётный кружок.

Две, как минимум, части, сливаясь в одно,
образуют единый народ:
мастера — мастераят, пьют другие вино,
попадая в такой переплёт.

Ни о чём не тужа, никого не виня,
припеваючи, в общем, живут,
и в едином порыве кладут на меня
все, живущие там или тут.

Не в обиде. Ничуть. Не такое прощал —
тех жалея и этих любя.
А за то, что я пил и кружок посещал —
я и сам презираю себя.

ПСАЛТЫРЬ

1

В конце безумного июня,
переходящего в июль,
ты не боялась полнолуния
и не задёргивала тюль.

Ну, может быть, чуть-чуть — для вида;
поэтому была сама
рассветной музыкой Давида
из 21-го Псалма.

2

И, покидая тело — дух
летит с одним крылом,
как ты, читающая вслух,
22-й Псалом.

И не сгорает, но горит
и освещает путь
и оживает, как иврит
и в градуснике ртуть.